

[Л.1]

Стенограмма беседы с тов. Холевчук Михаилом Ильичом.

Беседу проводил старший научный сотрудник Комиссии по истории Отечественной войны в Украине при АН УССР т. Марковский М.Ю.

Стенографировала т. Вилькова Ж.Б.

г. Львов, 1-го июня 1946 г.

Родился в 1885 г. в с. Волчківці Снятинского района Станиславской области в семье рабочего.

В 1922 году окончил агрономический факультет немецкой техники в Праге (Высшая техническая школа), а в 1926 году окончил высшую ветеринарную школу в Брно в Моравии. По окончании ветеринарной школы все время, вплоть до 1929 г., был ассистентом кафедры животноводства в высшей ветеринарной школе в Брно. А с 1929 г. по 1935 г. работал зоотехником общества Сельский Господарь во Львове. С 1935 г. по 1939 г. был директором сельскохозяйственного лицея в с. Черница Дрогобычский области.

С октября 1939 по декабрь 1941 работал как ветеринарный врач в Сяноци Краковской обл. В 1941 г. осенью меня *немцы* назначили в отдел сельскохозяйственных школ при дистрикте во Львове. Там я оставался до конца декабря 1941 г. Отсюда меня правительство перевело как заведующего *кафедрой животноводства и профессора с.х.* факультета (сейчас Львовского политехнического института) в Дубляны (8 километров). Так что там я был до ухода немцев. С Дублян нас выгнали. Там сконцентрировался немецкий штаб и я переехал во Львов.

С 1 IX. 1944 г. работаю заведующим кафедрой продтоваров в Институте советской *торговли* [Л.2] во Львове, выполняю обязанности профессора. Также награжден медалью за доблестный труд в «в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а также я являюсь студентом II-го курса вечернего института марксизма-ленинизма.

1941 год. Немцы пришли во Львов и начали наводить свои «порядки». Сначала была военная администрация, гражданская была позже. Меня назначили в школьный отдел в декабре и приказали мне, чтобы я немцам подал сведения о сельскохозяйственных школах: действуют ли они, имеются ли у них здания и т.д. Только в 1942 году вышли первые информационные сообщения, чтобы на таких-то основаниях организовать сельскохозяйственные школы. Однако эти работники, которые приезжали из губернаторства, из самого центрального, они сразу сказали, что они не будут развивать украинское сельскохозяйственное школьное обучение, что у них нет учителей, они должны организовать их только на западе.

Когда я был в этом отделе, была одна школа, в которой было обучение, это Бережница возле Стрия, Дрогобычской области. Там были ученики, которые уже

учились при советской власти. Мы работали еще по советскому плану. Сельскохозяйственный отдел распорядился перевести эту школу на годовалую, и чтобы студентам, которые учились 3 года, зачесть 2 года, а студентам, которые учились 2 года в этой школе, зачислить один год. Техникум в Чернице, который был четырехлетний по советскому плану, превратили в двухлетнюю сельскохозяйственную школу, и всех, кто был уже на 3 и 4 курсах, заставили их зачислиться на второй год, чтобы получить свидетельство, что они закончили немецкую школу.

Многие студенты работали, но немецкая школьная власть [Л.3] требовала, чтобы эти работающие еще раз шли и учились. И то, что я мог сделать, это удалось мне объяснить, что нет смысла мучить этих студентов, потому что они, если уже работают, то пусть работают, а только пусть сдадут экзамены, что закончили эту школу. И это мне удалось довести до конца: студенты работали, но сдавали экзамены.

Фактически при немцах была одна школа, которая действовала, это была годовалая школа, а вторая – двухлетняя, которая только формировалась. Это были школы или курсы, как бы мы их назвали, а кроме этого еще организовали сельскохозяйственные курсы *при начальных курсах*. По истечении 6 лет обучения, если кто не шел в высшую школу, должен был ходить в эту школу. Это был очень минимальный курс, который проходил два раза в неделю, и люди, окончив этот курс, должны были возвращаться в сельское хозяйство. ~~Это было только сельскохозяйственное школьное обучение.~~

С ~~того~~ отдела с.х. школ при *дистрикте во Львове* 1-го января 1942 меня перевели в Дубляны на заведующего кафедрой животноводства ~~и этим делом~~ – организацией сельскохозяйственных школ *в дистрикте* – вообще никто не занимался, хотя немцы приняли на мое место другого работника, но он не успел ознакомиться с этой работой, и вообще дальнейшее развитие этого дела дальше не пошло.

В Дублянах я работал до апреля месяца 1944 г. и оттуда перешел во Львов. Когда я был в Дублянах, немцы начали там работу курсов, будто бы говорили, что организовали высшую школу и даже использовали номенклатуру Сельскохозяйственного института и Ветеринарного института. Но сразу немцы организовали сельскохозяйственный факультет политехники, который был превращен в 3-х месячные курсы. Ветеринарный институт совсем не работал. За все время существования курсов за первые 3 месяца набралось 160 челов. и за вторых 3 месяца – 120 чел.

[Л.4] На этот курс немцы принимали без учета образования людей, которые практически работали в сельском хозяйстве. Там были люди с начальной школы, со средней школы и с оконченными высшими школами. Требовали читать лекции на немецком языке, и только объяснять по-украински или по-польски, в зависимости от того, на каком языке преподаватель читал лекции. И поэтому ученики очень мало что понимали, разве только тот, кто хоть немного знал

сельское хозяйство. Цель этих курсов была подготовить рабочих, которые должны были выполнять приказы немецких руководителей в сельском хозяйстве.

На выпускные экзамены приезжал директор института с представителями администрации и задавал несколько вопросов ученикам, что и было ориентиром, куда кого определить. Представители интересовались, кто чем интересовался: животноводством или сельским хозяйством. Всех учеников распределили по государственным немецким хозяйствам, созданным на базе наших колхозов и на базе бывших помещичьих имений. Однако там, где руководителями немецких хозяйств были поляки, или поляки, которые называли себя немцами – Volksdeutsche (фольксдойче) украинских курсантов не принимали, несмотря на то, что они были отправлены и назначены на работу, или создавали им следующие условия: не давали есть, жилья, так что они были вынуждены сами оставлять работу. Поляки также перед немцами представляли их такими, которые ничего не умеют и не хотят делать.

Теперь дело о таких систематических курсах. В сентябре месяце 1942 года немцы открыли 3-х летние систематические сельскохозяйственные курсы (их называли landwirtschaftliche Fachkurse ляндрвиртшафтлихе фахкурсы). Эти курсы работали по плану немецких сельскохозяйственных школ, но мы взяли свой план. Итак, язык преподавания был немецкий с дополнением знания [Л.5] украинского или польского языка, в зависимости каким языком владел преподаватель. Преподавателями были все бывшие польские профессора, доценты и вспомогательный персонал, и лишь несколько человек было принято с украинской национальностью, и то преимущественно как вспомогательные силы. Немцы принимали на эти курсы (из бывших студентов было очень малое количество) студентов других факультетов, даже и юристов, если он был на IV-м курсе института, то его определяли на III-й курс этих курсов. Кто имел законченный сельскохозяйственный факультет в Польше или при советской власти, от тех требовали, чтобы они посетили еще два семестра лекций и сдавали экзамены. Выпускников этих курсов направляли так же, как и предыдущих, на те же немецкие хозяйства и на такие же должности. Те руководители, следовательно, и научные, и административные этих курсов заботились в первую очередь о собственном интересе. Итак, научным руководителем был немец, профессор Лейпцигского университета Крюгер (Krüger). А административных директоров было вообще два. Когда я работал, то административным директором был какой-то Штайнгоф, который был немецким помещиком, у которого отобрали хозяйство и сделали руководителем по подготовке других хозяев. Он также был преподавателем огородничества и садоводства. Профессор Крюгер приезжал для того, чтобы взять масло, сало и другие продукты и обувь для себя и для семьи. Административный директор Штайнгоф систематически высылал грузовые автомашины с различной мебелью и различным добром, которое мог забрать из этого учреждения. В этом заключалась их деятельность. Местные рабочие не могли ничего из подсобного хозяйства купить для себя.

Немцы в отношении к рабочим старались выглядеть, напр., перед украинцами так, что они якобы заступаются за них, а перед поляками – наоборот. То есть, немцы старались вызвать вражду между украинцами и поляками. Таким образом, всякие неурядицы, которые случались, то перед поляками перекладывали вину [Л.6] на украинцев, а украинцам говорили, что это сделали поляки.

Материальное обеспечение преподавателей было такое, как было во времена Польши, то есть денежные нормы были такие же, а пайки были как для гражданского населения. Для немцев были отдельные нормы, а для гражданского населения для всех одинаковые.

Во главе средних школ были также немцы. Было, к примеру, так: я якобы номинально в Дублянах был деканом, а роль моя сводилась к подготовке материалов для секретарши директора. Немцы совещания созывали, но не на территории школ, а на территории дистрикта. Совещания были двойные: чисто немецкие и с другими национальностями.

Сельскохозяйственные дела: в каждом районе был ответственный агроном, который должен был выкачивать больше товаров из данного района. Он подчинялся дистрикту и сельскохозяйственному отделу. Это была довольно такая сыгранная организация. Но чтобы улучшить хозяйство крестьян, у них такого не было на уме. Вообще крестьянским хозяйством они не интересовались. Больше внимания они обращали на государственные имения.

За время войны урожаи были неплохие, а если где-то была нужна помощь, то только там, где были военные действия, то там была местная самопомощь, а со стороны государства никто ничего не получал. Немцы давали задания сколько какие хозяйства должны дать продуктов, а также был указан срок их сдачи. Контингенты, которые нужно было сдавать, объявляли в прессе. Немцы собирали все виды продуктов. Вот, к примеру, так: масло, где были молочарни, производили на этих молочарнях, по всем другим людям привозили его сюда, переделывали, формировали и отправляли. Мельницы были государственные.

[Л.7] Какую они проводили политику в отношении товаров? К примеру, скупку ~~товаров~~ *скота* они поручали немецким торговым организациям. Эти агентуры подбирали себе местных жителей и они как частные торговые предприятия старались как можно больше заработать и отбирали лучшие упитанные материалы. Также принимали племенные ~~материалы~~ *штуки*, кроме того, что официально запрещалось. Особенно они забирали товары в селе, а какая продукция им не подходила, они ее откидывали.

Немцы здесь за высокую цену заставляли крестьян покупать и кормить скот. К примеру так: крестьянин получал двое поросят, за которые платил 200-300 золотых. После он $\frac{3}{4}$ или год кормил их и продал по государственным ценам, получив за это 160, самое большее 200 золотых, даже не отбивал тех денег, которые сам заплатил. В последние годы немцы ~~наложили на каждого~~

~~крестьянина специальные налоги~~, *выдали распоряжок, по которым крестьянин должен был откормить столько-то точно указанное количество свиней.*

На время войны немцы вели такую политику, чтобы как можно больше выжать продуктов различными способами: обещаниями, а то где-то завезут какие-то ботинки, то дадут мануфактуры, то водки завезут. Яйца выменивали на сахар.

Немцы говорили между собой, что некоторые горные полосы надо вообще выселить, а население, у которого нет земли, послать его на черные работы.

Сельским хозяйством они пока не занимались. В практике у них это было, но как и что они думали, этого я не знаю. Они думали ликвидировать мелкие хозяйства, а средние и большие организовать, но в настоящее время они не создали такой необходимости.

Колонизация шла в том направлении, что насаждали немцев на некоторые имения. Они образовали аренды, потому что в их администрации [Л.8] были страшные злодейства, так как немцы воровали.

Уровень культуры этих государственных хозяйств зависел уже от того, кто руководил этими хозяйствами. Если руководил этим хозяйством кто-то, кто знаком с хозяйственным чутьем, он заботился об этом хозяйстве. Но очень много было руководителей, которые совсем не понимали в хозяйстве. Но чтобы вникнуть в какую-то культуру, то таких было очень мало. Вообще же немцы говорили: то, что было на востоке, ~~этого не умели делать и их присылали сюда много таких немцев, которым в Германии никогда не поручили бы выполнять задач, которые они выполняли на оккупированной территории.~~

Никаких исследований, никакой научной работы в немецкие времена здесь не проводилось. Одиноким исследователем института был в Пулавах, который работал, а на украинской территории не было ничего. Таким образом, у немцев даже не было времени что-нибудь создать, и их дело заключалось в том, чтобы как можно больше захватить, вытянуть.

Источник о посевных площадях в 1942/3 году о количестве голов рогатого скота возможно есть в филиале Академии Наук в статистическом отделе.

Я считаю, что посевные площади были уменьшены по сравнению с довоенным временем, ибо поля необработанные и большие части хозяйств находились в запустении. Это был также большой убыток. Ухудшение посевной площади имело место, но об этом точно можно найти в статистическом отделе Академии Наук УССР.

Аппаратом, через который шла заготовка, закупка всех видов продуктов, была сельскохозяйственная кооперация – Центросоюз во Львове, по уездам были уездные союзы и местные кооперативы. Были кооперации молочников Маслосоюза, централя во Львове и районные молочарни, которыми руководили немцы, а заготовку вели местные люди. Мануфактура была только в немецких руках, которую они проводили через частную торговлю. [Л.9]

Сельскохозяйственного инвентаря было очень мало. Тракторы были только в государственных хозяйствах.

Когда немцы убегали, то они вывозили из научных учреждений только самое ценное: аппаратуру, литературу (это из учебных заведений университета, Политехнического института, Ветеринарного института, *Медицинского института*). Они полгода вперед все паковали, а ценные вещи вывозили с самого начала. Немцы не собирались открывать какие-то научные заведения. То, что немцы упаковывали, все было уничтожено, потому что все это делалось наспех и военные опустошали помещения так, что, например, со II-го этажа сбрасывали шкафы, мебель, а микроскопы запаковывались без всяких предосторожностей и неаккуратно. Я думаю, что при распаковке ни один микроскоп не был пригоден.

Также, чтобы уничтожить все научные достижения, из музеев вывозили все ценные экспонаты и все фабричное оборудование – вообще вывозили все. Немцы говорили, что все это вывозится для сохранности.

Украинский Центральный Комитет Помощи, которым они пытались уменьшить недовольство, показать, что украинцы все еще имеют какое-то свое учреждение, которое им помогает. Но он было в руках немцев. Некоторые люди думали, что если бы не было Комитета, то еще бы больше народу было истреблено.

Принимая во внимание, что на общей территории проживали украинцы и поляки, а власть была в руках немцев и поляков, поляки провоцировали украинское население, даже натравливали на такие акты, чтобы дать возможность для репрессий.

Дело о Галицкой дивизии. Инициатива создания этой дивизии трудно сказать откуда вышла. Я предполагаю, что немцам требовалось войско и они решили использовать этот момент [Л.10] и создали дивизию «Галиция». Рассчитывали на то, чтобы не брать оружия в руки и не ехать в Германию на работу. В дивизию «Галиция» люди шли или из тактических соображений, или из того, что если не пойдешь в дивизию, то все равно заберут на работы.

Из Львова вывезли более 30 000 ребят – украинских детей, которые учились в гимназиях в III и IV группах (15-16 летних). Вывозили они их якобы на какое-то военное обучение. Также взяли и учителей. Детям говорили, что по окончании этой средней школы у них буде доступ в высшие школы на территории Германии. Куда их вывезли – неизвестно. Немцы дали задание учителям указывать на тех детей, которые должны ехать, и в то же время это якобы делалось добровольно.

Население очень четко отдавало себе отчет о роли Украинского Комитета. Украинский Комитет некоторым немного и помогал, но все-таки население этот Комитет не уважало.

Многие люди погибали и нельзя было понять от чьих рук. Люди пропадали, исчезали. Некоторых людей убивали, предварительно взяв их как заложников. Особенно, когда от руки украинца погибал какой-то немец. Немцы создали такую систему, надо было выполнять все, что они приказывали. Например, был такой

случай в городе Сянок на [1 слово непонятно] был местный врач, над ним был руководителем районным немец, который делал разные глупости. Этот местный врач-украинец пошел к *председателю уездной администрации* и пожаловался на того немца, но ему председатель ответил: *нет власти* и делай то, что тебе говорят. Так что *Самый* глупый немец все же *самый* умнее *хотя бы* среди самых мудрых украинцев.

Я знаю одного товарища по лесному факультету Пясецкого, который был заключен немцами и когда пришлось расстрелять сотню [Л.11] человек, то его расстреляли как заложника, а когда он погиб, то было объявлено о его увольнении. Таким образом погибли многие представители интеллигенции в Луцке, Ровно и других городах западных областей Украины.

[подпись]

(М. Холевчук)

[подпись Марковского]